

УДК 82-17-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-107-114

10.01.01 Русская литература

О ДИСКУССИИ «АРЗАМАСА» И МЛАДОАРХАИСТОВ В БОЛЬШОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ

Иваницкий А. И.*Российский государственный гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Целью статьи является анализ истоков противоречий «Арзамаса» и «младархаистов» как двух линий развития дворянского просвещения XVIII века.

Процедура и методы исследования. Проанализированы тексты, программирующие «арзамасские» идеи дворянской свободы (прежде всего оды Державина, инициированные сказками Екатерины II; стихотворения А. С. Пушкина рубежа 1810-20-х годов, концентрирующие идеи «Арзамаса»), и тексты оппонентов «Арзамаса» (В. К. Кюхельбекера, К. Ф. Рыльева, К. А. Катенина, Ф. Н. Глинки). Привлечены исследования по основным пунктам этого противостояния (Ю. М. Лотмана, Г. А. Лескиса, В. Альтшулера и др.).

Результаты проведённого исследования. Анализ показал, что противоречия двух лагерей коренились в значениях отстаиваемой ими свободы, идущих из XVIII века. Наследуя идеи французской революции, будущие декабристы утверждали гражданские свободы римской республики в высоких жанрах классицизма. Апология общественного призвания поэзии сблизила их с консервативной «Беседой любителей русского слова». «Арзамас» отстаивал в формах «лёгкой поэзии» дворянскую духовную свободу екатерининского «золотого века» в условиях превращения монархии в полицейско-бюрократическую.

Теоретическая / практическая значимость. Автору удалось обнаружить связь двух линий литературного движения 1810-х годов с общей логикой ментального развития дворянской культуры рубежа веков.

Ключевые слова: просвещение, гражданские свободы, дворянские свободы, «Арзамас», младархаисты, гедонизм, анакреонтика

ON THE DISCUSSION BETWEEN 'ARZAMAS' AND THE "YOUNG ARCHAISTS" IN THE GREAT HISTORICAL TIME

A. Ivanitsky*Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya pl., Moscow 125993, Russian Federation***Abstract.**

Purpose. The purpose of the article is to study the sources of the discussion between "Arzamas" and the "Young Archaists," two ways of the Russian noblemen's enlightenment.

Methodology and Approach. It analyzed the texts that had motivated the "Arzamas" ideas if the noblemen's freedom (the G. Derzhavin's odes after the Catherine II's tales, the A. Pushkin's poems of 1810-20s, concentrating the themes of "Arzamas"), and the texts of their opponents (V. Kuchelbecker, K. Ryleev, K. Katenin, F. Glinka). The article references the works on the main points of the confrontation (J. Lotman, G. Lesskis, V. Altshuller, T. Akimova, etc.)

Results. The analysis had shown that the opposition of the two groups had reflected two meanings of the freedom in Russian enlightenment. The “Young Archaists” had inherited from the French revolution the ideas of the roman republic and their classicist forms. The apology of the social responsibility of the poetry had pulled the “Young Archaists” towards the conservative “Colloquy of Lovers of the Russian Word.” “Arzamas” had rehabilitated “light poetry” as the demonstration of the noblemen’s freedom in the Nikolay I’s state.

Theoretical and Practical Implications. The author managed to find the connection between the two poetical movements at the beginning of the 19th century with the general logic of the mental development of the noblemen’s culture at this time.

Keywords: enlightenment, citizen’s freedoms, noblemen’s freedoms, “Arzamas,” young archaists, hedonism, Anacreontic

ВВЕДЕНИЕ

Неоднократно отмечалось, что вхождение в «Арзамас» будущих декабристов Н. И. Тургенева, М. Ф. Орлова и др. и внесённый ими серьёзный дискурс в противовес культивируемой «арзамасцами» «галлиматье» в известной степени разрушил кружок изнутри. Наиболее точно это было обобщено в письме В. А. Жуковского к В. ф. Мюллеру от 12 (24) мая 1846 года:

«Буффонада явилась причиной рождения «Арзамаса», и с этого момента буффонство определило его характер. Мы объединились, чтобы хохотать во всё горло, как сумасшедшие; и я, избранный секретарем общества, сделал немалый вклад, чтобы достигнуть этой главной цели, т. е. смеха; я заполнял протоколы галлиматьёй, к которой внезапно обнаружил колоссальное влечение. До тех пор пока мы оставались только буффонами, наше общество оставалось деятельным и полным жизни; как только было принято решение стать серьёзными, оно умерло внезапной смертью» (оригинал был написан на французском языке)¹.

Причины «внезапной смерти» кружка вследствие несочетаемых идейных стремлений и литературных установок его старых и новых участников сознавал и принадлежавший к последним М. Орлов:

«Рука, обыкшая носить тяжкий булатный меч брани, возможет ли владеть легким оружием Аполлона, и прилично ли гла-

су, огрубелому от произношения громкой и протяжной команды, говорить божественным языком вдохновенности или тонким наречием насмешки?» [4, с. 206]².

Ю. Лотман видел в стратегии «арзамасцев» и будущих декабристов два типа утверждения дворянского свободолюбия [13, с. 170-173]. С нашей точки зрения, они противостояли власти по разным основаниям, развивая различные социокультурные коллизии XVIII века – как русского, так и европейского.

Как известно, в своей идеологии, этике, а отсюда и эстетике декабристы были воспитаны Французской революцией 1789-1793 гг., знаменовавшей торжество наиболее радикальных идей Просвещения и в его лице – коренной раскол новоевропейского понимания античности. В доктрине просвещенного абсолютизма, утверждённой во Франции Людовиком XIV (1661-1715), монарх был переведён из средневековой позиции наместника бога на земле в позицию бога как такового, творящего новый мир (природу, государство и человека), в котором навсегда возвращается

¹ Цит. по: Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. 226 с. [5, с. 67-69].

² Столь же противоположны аскетическому «этосу» декабристов были и собрания отчасти наследующей «Арзамасу» «Зеленой лампы» (1819-1820) и сопутствующие им «оргияческие» ужины в петербургском доме Н. В. Всеволожского [13, с. 187-194; 10, с. 61-65]. Хотя «... лампа» часто рассматривалась исследователями в качестве одного из филиалов («управ») декабристского Союза Благоденствия [17, с. 239-246], будущие декабристы (и, в частности, Ф. Н. Глинка) были там абсолютно инородным телом. В целом о роли Жуковского в стратегии «Арзамаса» и «контroversной» позиции будущих декабристов в кружке [13, с. 192-194; 14, с. 213-229].

вечная весна утраченного золотого века. Магической рецептурой такого построения утверждалась культура греко-римской античности, которая, таким образом, переквалифицировалась из источника мифа о золотом веке в хронотоп его осуществления. Поэтому классицизм, утверждавший эстетическую норму античности, фактически стал государственным законом. Применительно к литературе это воплотилось в «Поэтическом искусстве» (*Art poétique*), 1674) Н. Буало [8, с. 661-662].

После кончины Людовика XIV эти принципы деградировали. Эпоха регентства (1715-1726) и последующее правление Людовика XV (1724-1774) сделали общей платформой дворянства и монархии либертинаж, обосновывающий материальной природой мира моральную вседозволенность. Его художественным знаменем стало рококо, видевшее смыслом античной культуры игривый и приватный гедонизм, каким он предстаёт в греческом и римском романах. Литературными линиями рококо стала античная «Анакреонтика», переводы и вольные переработки которой составили во Франции корпус т. н. «лёгкой поэзии» (*poesie fugitive*).

Просвещение же превратилось из атрибута абсолютизма в его идейный антипод. Но именно оно унаследовало у «великого века» высокую классицистическую норму. В радикальном крыле Просвещения, которое и восторжествовало в революцию, социальным идеалом вместо римской империи была утверждена римская республика, что наиболее программно было выражено в трактате Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре» (*Du Contrat social*), 1762). Места прежних героев – Александра, Цезаря и Августа – заняли Горации, Брут и Муций Сцевола¹.

¹ В ходе самой революции проявилось ключевое преимущество унаследованного ею классицизма абсолютистскому: вера в его бытийную «сверхценность». Римская республика стала для революционеров образцом для полного уподобления и матрицирования, а обожествление выводимой из её опыта справедливости – буквальным, сделав массовый террор формой жертвоприношения новому божеству. О культурных корнях французской революции см.

Именно такое отношение к антично-республиканской норме унаследовало у революционеров минувшего века радикальное крыло декабристов². Ключом приобщения ей стало в том числе семиотически нагруженное, «знаковое» поведение. Слово и поступок получили признаки и роли друг друга. Никакая конспирация не могла отвлечь будущих заговорщиков, по слову Пушкина, «*витийством резким знамениты(х)*», от публичного оглашения своих позиций. В то же время поступок (как общественный, так и приватный) становился словом, то есть автоманифестацией (ср. известный эпизод отказа Рылеева от приглашения Дельвига совместно посетить «весёлый дом»). А это, в свою очередь, делало социальное поведение (в том числе планируемое переустройство России) осуществлением универсального античного «текста», в котором тождественны были миф и история, – будь то клятва Горацийев, убийство Цезаря, подвиг Катона или Гектор, прощающийся с Андромахой перед схваткой с Ахиллом. Только в соотношении с ними бытовые и социальные поступки (включая и грядущее преобразование России) получали свой смысл [13, с. 160-173].

Это, очевидно, и привело литераторов-декабристов (включая В. К. Кюхельбекера, К.Ф. Рылеева, а также К. А. Катенина, Ф. Н. Глинку, А. С. Грибоедова и др.) к «младодархаизму», парадоксально сведя с вышущиваемой «Арзамасом» «Беседой любителей русского слова» (1811-1816). Державин становится в 1820-е годы образцом для декабристской оды [20, с. 25-27, с. 35; 6, с. 27; 3].

монографию Р. Шартье [21].

² В. Мороз [16, с. 112-115] обращает внимание, что в петербургском и московском свете рубежа 1810-х-1820-х годов будущих заговорщиков 14 декабря в глаза и за глаза именовали «якобинцами», что не встречало особой отповеди, несмотря на то, что далеко не все будущие декабристы разделяли якобинские идеалы и методы. «Якобинец» получил расширительное значение французского революционера 1789-1793 гг. – как сама Революция, вовсе не отражавшая весь спектр идей Просвещения, поглотила его собою в сознании русского общества начала века – знаком «плюс» для одних и «минус» для других.

В этом плане своего рода манифест младоархаизма, статья В.К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824), противопоставившая оду элегии, идейно наследовала «Рассуждению о старом и новом слоге русского языка» лидера «Беседы...» А. С. Шишкова (1803). Общей для «беседчиков» и младоархаистов основой апологии церковнославянского языка и обслуживаемых им классицистических жанров была апология государственного / общественного служения как единственного смысла бытия, которое поэтою не подлежало делению на общественное и частное¹.

Сверхценность уподобления современности антично-республиканскому идеалу не только снимала для декабристов (принадлежавших в большинстве своём к аристократической элите) мотив социального интереса, но побуждала готовить восстание во вред себе. Это отразила известная шутка Ф. В. Ростопчина, зарифмованно процитированная Н. А. Некрасовым в поэме «Русские женщины»:

«В эпоху Французской революции сапожники и тряпичники хотели сделаться графами и князьями; у нас графы и князья хотели сделаться тряпичниками и сапожниками».

Совсем иные корни видятся во фрондерстве «Арзамаса» и наследующего ему пушкинского круга. Связано оно с двумя эпохами и смыслами уже собственно русского просвещённого абсолютизма XVIII века: Петра I (1696-1725) и Екатерины II (1762-1796), противоположных, прежде всего, в понимании места и роли дворянства. Петру оно виделось основным субъектом службы по прусскому (бранденбургскому) образцу, которую введённая в 1722 году «Табель о рангах» сделала одновременно и

обязанностью, и привилегией. Основой сопутствующего реформам «просвещения» дворян стали директивно вменённые им европейские формы приватной культуры, начиная от одежды, фехтования и кофе и заканчивая «ассамблеями», театром и поэзией. Будучи призваны привязать дворянское сословие к государству и службе ему, они, однако, создали потенциал его социокультурной суверенизации, осуществлённый в екатерининскую эпоху.

Убедившись в неготовности России и её дворянской элиты к преобразованиям в духе идей французских просветителей, на которых она была воспитана, Екатерина II сделала стратегией своего правления освобождение самой этой элиты. Социальное освобождение было обеспечено «Жалованными грамотами» дворянству и городам 1785 г. Первая, утвердившая манифест Петра III «...о вольности дворянства» 1762 г., освобождала дворян от обязательной службы и позволяла жить за счёт своих имений, приравненных к вотчинам; вторая делала их фактически независимыми от государства в административном и судебном отношениях. Идейный суверенитет (по крайней мере, частичный) несло разрешение частных журналов и типографий. Суммарно это и массовое переселение дворян в собственные имения сделало литературу апологией уже не государства, а дворянского частного быта (особенно в усадебной лирике), личной рефлексии и внутрикорпоративного диалога. Соответственно, сменилась жанровая парадигма: оду, трагедию и духовный гимн сменили дружеское послание, элегия, эклога, любовное посвящение, идиллия и пастораль.

По верной оценке Г. Лескиса [12, с. 50] русская «лёгкая поэзия» рубежа 1810-х гг. (культивируемая в рамках «Арзамаса» прежде всего В. Л. Пушкиным), в отличие от французской, противостояла не гражданским идеалам высокого классицизма, а абсолютистской государственности и утверждала социальный и духовный суверенитет дворянской личности [18, с. 156-159]. Но исторической подоплёкой такого

¹ Такое родство неизбежно приводило к переходам отдельных фигур из одного лагеря в другой, в частности – М. Н. Муравьева, проделавшего путь от одного из авторов устава Союза Благоденствия до подавателя польского восстания 1863 г., арзамасца Д. Н. Блудова, впоследствии служившего в министерстве иностранных дел, а в 1826 г. вполне искренне голосовавшего за заочный смертный приговор декабристу Н. И. Тургеневу, и др.

вектора противостояния явилось возвышение «лёгких» жанров в екатерининскую эпоху. В 1770-х годах царицей был создан придворный Эрмитажный салон, в котором наиболее близкие ей люди регулярно собирались для чтения и обсуждения литературных новинок. Ключевым «кодом» салона стал тотальный запрет на этикетное поведение. Нарушивший запрет присуждался к чтению вслух главы из «Телемахида» В.К. Тредиаковского, символизировавшей отвергнутую «литературно-государственную» архаику. В то же время салон ввёл в литературный обиход сказку и устный анекдот как формы весёлого общения близких людей, в то же время несущие познавательный и поучительный потенциал [1, с. 262-269]. Эрмитажный салон дал толчок к созданию частных дворянских литературных салонов – И. И. Дмитриева, Н. А. Львова и др., которые и подражали царскому, и конкурировали с ним, приведя в итоге к появлению общедворянского поля литературно-общественного диалога¹.

В конечном счёте именно лёгкие жанры стали основной формой государственной и царской апологетики. Написанные Екатериной для внука, будущего императора Александра I, «Сказка о царевиче Хлоре» (1781) и «Сказка о царевиче Февее» (1783) вдохновили Г. Р. Державина на создание в её честь од «Фелица» (1782), «Изображение Фелицы» (1782) и посвящённую Г. А. Потёмкину оду «Решемыслу» (1783), написанных в форме дружеского послания или лирико-философского посвящения². И. Ф. Богданович с теми же апологетическими целями использует в своей «Душеньке» (1783) форму сказки по сюжету Апулея и Лафонтена для изображения пути Екатерины к трону [9, с. 33-64]. Тем самым, лёгкая поэзия не разрушала связь Просвещения с абсолютизмом, как это было в современной Франции, а

утверждала её³. При этом державинский «Решемысл»-Потёмкин соединял гедонизм и службу в дворянской поведенческой норме тем, что –

... *Готов среди своей забавы / Внимать, судить, повелевать,*

*И молнией лететь в храм славы...*⁴

А в «Фелице» разрешение царицей дворянам различных форм вольной приватной жизни («слабостей», не только отграничиваемых от пороков, но, по сути, противопоставляемых им как проявления личностного начала) становится главным предметом авторской хвалы: «... *Дурачества сквозь пальцы видишь, / Лишь зла не терпишь одного*». Именно из этой дефиниции выводится новая роль поэзии – не учения и пророчества, а рефлексии весёлой и живой повседневности:

... *Пророком ты того не числишь,*

Кто только рифмы может плесть... / [...] сия ума забава...

... *Поэзия тебе любезна, / Приятна, сладостна, полезна,*

*Как летом вкусный лимонад...*⁵

Кончина Екатерины в 1796 г. знаменовала закат дворянского «золотого века». «Беседа...» фактически стала литературным предвестием идейно-политического разворота монархии Павловичей к чиновно-полицейской модели, в которую дворянство встраивалось по петровскому образцу. Апология церковнославянского языка и классицистической иерархии жанров изымала из дворянской литературы анакреонтическую составляющую как проявления личной и социальной независимости. Вне литературной нормы оказывалась, по сути, и беллетристическая проза, чей фактический создатель в России, Н. М. Карамзин, стал знаменем «Арзамаса».

¹ О литературных салонах екатерининской эпохи см. подробнее в работе Е. Марасиновой [15].

² О программном характере этих сказок в екатерининской литературно-языковой программе см. в работе Т. И. Акимовой [2, с. 413-418].

³ Важно, что триумфально-парадные значения рококо, фактически снимающие антитезу парадности и приватности, были в дворянском золотом веке не только поэтическими, а общекультурными [11, с. 28-42].

⁴ Державин Г. Р. Сочинения. СПб.: Новая Библиотека поэта, 2002. 704 с. С. 120.

⁵ Там же, с. 77.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Противостав в лице «Беседы...» официозной культуре, «Арзамас» предвосхитил перерождение самой этой культуры. Если декабристы противопоставляли имперской власти заимствованную у Французской революции идею гражданских свобод, то «Арзамас» (фактически продолжавший литературную позицию Эрмитажного Салона) – дворянскую духовную свободу «золотого века». Разрушение «героико-гедонистического» единства неги и службы екатерининской поры привело к тому, что пиры «весёлых остряков» и их анакреонтическая апология (в частности, в лицейской лирике Пушкина, Дельвига и др.) утверждали уже не единство дворянина с монархией, а моральную независимость от неё. А словесная «галиматья» проявляла максимальную свободу варьирования (и, тем самым, вышучивания) как «чужих», так и обретен-

ных самой дворянской культурой поэтических парадигм.

Очевидно, в этих равно коренящихся в минувшем веке *содержаниях* отстаиваемой свободы расходятся литературные пути декабристов и «коренных арзамасцев» и наследующего последним пушкинского круга. Сам Пушкин, который, по точному определению Л. Гроссмана, «*Политическую борьбу... воспринимал не как отречение и жертву, а как радость и праздник*» [7, с. 143], подытожит этот «водораздел» в элегии «*Из Пиндемонти*» (1836): «*Зависеть от царя, зависеть от народа – / Не все ли нам равно...*»¹

Пушкинская эпоха, однако (и прежде всего зрелое творчество самого Пушкина), стала полем нового синтеза этих идейных и поэтических антитез, – по сути, суммировав смысл русской дворянской культуры Нового времени².

Статья поступила в редакцию 19.12.19.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00452 «Екатерина II: личность, творчество, эпоха. Энциклопедический словарь».

ACKNOWLEDGMENT

The research was prepared with the financial support of the Russian Federal Property Fund within the scientific project № 18-012-00452 “Catherine II: person, works, era. Encyclopedic dictionary”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова Т. И. Выражение личностного самосознания в «малых жанрах» Эрмитажного салона Екатерины II // Е.Р. Дашкова в кругу современников: исторические личности и эпоха. М.: Изд-во МГ И им. Е.Р. Дашковой, 2013. С. 262–269.
2. Акимова Т. И. Русский язык как вектор просветительской доктрины Екатерины II (о литературных особенностях «Сказки о царевиче Хлоре» и «Сказки о царевиче Февее») // Актуальные проблемы обучения русскому языку. XIII. 2018. С. 413–418.
3. Альтшуллер М. «Беседа любителей русского слова»: у истоков русского славянофильства. М.: НЛЮ, 2007. 448 с.
4. Арзамас и арзамасские протоколы. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. 304 с.
5. Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. 226 с.
6. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Советский писатель, 1974. 409 с.
7. Гроссман Л. П. Пушкин. Л.: Молодая гвардия, 1958. 528 с.
8. Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 657–684.

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 3. С. 372.

² О том, как эта синтезирующая энергия задавалась литературой самого русского Века Просвещения, см. работу А. Н. Пашкурова [19, с. 49–67].

9. Иваницкий А. И. “Душенька” И.Ф. Богдановича и русская хвалебная ода // *Slavica tergestina*. Vol. 7. Trieste: 1999. С. 33–64.
10. Иваницкий А. И. Поэзия Пушкина как мифология поведения. М.: Изд-во РГГУ, 2016. 299 с.
11. Иваницкий А. И. Рокотов: раздвоение рококо // *Русский язык в контексте национальной культуры. Материалы международной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения А.И. Солженицына*. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2019. С. 28–42.
12. Лесскис Г. А. Пушкинский путь в русской литературе. М.: Художественная литература, 1993. 524 с.
13. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 158–205.
14. Майофис М. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: НЛО, 2008. 800 с.
15. Марасинова Е. Н. Власть и личность (Очерки русской истории XVIII века). М.: Наука, 2008. 463 с.
16. Морев В. Ода Пушкина «Вольность» и «Арзамас». М.: Новое зеркало, 2009. 416 с.
17. Нечкина М. В. Движение декабристов. Тт. 1–2. М.: Изд-во АН СС СР, 1955.
18. Пашкуров А. Н. Русская «лёгкая поэзия» в контексте европейской стиховой культуры (рубеж XVIII – XIX веков) // **Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики**. Сб. научных трудов. М., 2017. С. 156–159.
19. Пашкуров А. Н. Русская литература XVIII столетия в поисках гармонии (опыт системного разбора) // Русистика и компаративистика. Научные труды по филологии. М., 2018. С. 49–67.
20. Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968. С. 9–132.
21. Шартье Р. Культурные истоки французской революции. М.: Искусство, 2001. 256 с.

REFERENCES

1. Akimova T. I. Virashenie lichnostnogo samosoznaniya v “malich zhanrach” Ermitazhnogo salona Ekaterini II [The expression of the personal identity in the “small genres” of the Hermitage salon of Catharina II] // E. R. Dashkova v krugu sovremennikov: istoricheskie lichnosti I epocha. Moscow: *Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo instituta imeni E. R. Dashkovoi* [Dashkova Moscow State Institute Publ.], 2013, pp. 262–269.
2. Akimova T. I. Russkii yazyk kak vektor prosvetitel'skoi doktriny Ekateriny II (o literaturnykh osobennostyakh «Skazki o tsareviche Khlore» i «Skazki o tsareviche Fevee») [Russian language as the vector of the enlightenment doctrine of Catherine II (on the literally features of “The Story of Tsarevich Chlor” and “The Story of Tsarevich Fevey”)] // *Aktualnye problemy obucheniya russkomu yazyku* [Actual problems of teaching Russian language]. XIII. 2018, pp. 413–418.
3. Altshuller M. “Beseda lubiteley russkogo slova”: u istokov russkogo slavyanofilstva [“Colloquy of Lovers of the Russian Word”: the sources of the Russian Slavophile movement]. М.: NLO Publ., 2007. 448 p.
4. “Arzamas” i arzamasskie protokoly [“Arzamas” and its protocols]. Leningrad, Publisher of Writers in Leningrad, 1933, 304 p.
5. Gillelson M. I. Ot arzamasskogo bratstva k pushkinskomu krugu pisateley [From “Arzamas”'s brotherhood to the Pushkin's circle of the writers]. Leningrad, *Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ.*, 1974. 226 p.
6. Ginzburg L. J. O lirike. [On the lyric]. Lenindrad, *Sovetskii pisatel' Publ.*, 1974. 409 p.
7. Grossman L. P. Pushkin. Lenindrad, *Molodaya gwardiya Publ.*, 1958. 528 p.
8. Zhivov V. M. Gosudarstvennyi mif v epokhu Prosveshcheniya i ego razrushenie v Rossii kontsa XVIII veka [The myth of the state in the age of Enlightenment and its destruction in Russia in the late 18th century]. In: *Iz istorii russkoi kul'tury*. T. IV (XVIII – nachalo XIX veka) [From the history of Russian culture. Vol. IV (18th – the beginning of the 19th century)]. Moscow, *Yazyki russkoi kul'tury* [Languages of Russian culture Publ.], 1996, pp. 657–684.
9. Ivanitsky A. I. “Dushenka” I.F. Bogdanovicha i russkaya hvalebnyaya oda [“Dushenka” by I. Bogdanovich and Russian glorious ode] // *Slavica tergestina*. Vol. 7. Trieste: 1999, pp. 33–64.
10. Ivanitsky A. I. Poezija Pushkina kak mifologiya povedeniya [The Pushkin's poetry as the behavior's mythology]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2016. 299 p.
11. Ivanitsky A. I. Rokotov: razdvoenie rococo [Rokotov: the split of rococo] // *Russkii yazyk v kontekste natsional'noi kul'tury. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya ro-*

- zhdeniya A.I. Solzhenitsyna* [Russian language in the context of national culture. Proceedings of the international conference devoted to the 100 anniversary of A. Solzhenitsyn]. Saransk, Mordovia Ogarev state national research University Publ., 2019, pp. 28–42.
12. Lesskis G. A. *Pushkinskii put' v russkoi literature* [Pushkin's way in the Russian literature]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura [Fiction Publ.], 1993. 524 p.
 13. Lotman J. M. *Dekabrist v povsednevnoi zhizni* [The Dekabrist in everyday life]. In: Lotman Yu.M. *V shkole poeticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol'* [Lotman Y. In the school of the poetic word. Pushkin. Lermontov. Gogol']. Moscow, Prosveshchenie [Education] Publ., 1988, pp. 158–205.
 14. Maiofis M. *Vozzvanie k Evrope: literaturnoe obshchestvo «Arzamas» i rossiiskii modernizatsionnyi proekt 1815-1818 godov* [An appeal to Europe: the literary society "Arzamas" and the Russian modernisation project of 1815-1818 years]. Moscow, NLO Publ., 2008. 800 p.
 15. Marasinova E. N. *Vlast' i lichnost' (Ocherki russkoi istorii XVIII veka)* [Power and identity (Essays on Russian history of the 18th century)]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 463 p.
 16. Morov V. *Oda Pushkina «Vol'nost'» i «Arzamas»* [The Pushkin's ode «Vol'nost'» and «Arzamas»]. Moscow, Novoe zertsalo Publ., 2009. 416 p.
 17. Nechkina M. V. *Dvizhenie dekabristov* [Dekabrist's movement]. Vol. 1-2. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955.
 18. Pashkurov A. N. *Russkaya «legkaya poeziya» v kontekste evropeiskoi stikhovoi kul'tury (rubezh XVIII – XIX vekov)* [Russian "light poetry" in the context of European verse culture (at the turn of 18th – 19th centuries)] // [Modern problems of Philology and methods of teaching languages, the theory and practice, the collection of scientific papers. Moscow, 2017, pp. 156-159.
 19. Pashkurov A. N. *Russkaya literatura XVIII stoletiya v poiskakh garmonii (opyt sistemnogo razbora)* [Russian literature of the 18th century in search of harmony (experience of system analysis)]. In: *Rusistika i komparativistika. Nauchnye trudy po filologii* [Russian studies and comparative studies. Scientific works on Philology]. Moscow, 2018, pp. 49–67.
 20. Tynyanov Yu.N. *Arkhaisty i Pushkin* [The archaists and Pushkin]. In: Tynyanov Yu.N. *Pushkin i ego sovremenniki* [Tynyanov Y. Pushkin and his contemporaries]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 9–132.
 21. Shart'e R. *Kul'turnye istoki frantsuzskoi revolyutsii* [Cultural origins of the French revolution]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2001. 256 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иваницкий Александр Ильич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных наук им. Е.М. Мелетинского (ИВГИ) Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: meisster@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander I. Ivanitsky – Doctor in Philological Sciences, Senior Researcher at Meletinsky Institute for Advanced Studies of the Russian State University for Humanities;
e-mail: meisster@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иваницкий А. И. О дискуссии «Арзамаса и «младоархаистов» в большом историческом времени // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №1. С. 107–114.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-107-114

FOR CITATION

Ivanitsky A. About the Discussion Between “Arzamas” and the “Young Archaists” in the Great Historical Time // *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 1, pp. 107–114.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-1-107-114